

18+

Антон Яковлев

**Ариша на распутье:  
выбор неудачницы**



**Антон Яковлев**  
**Ариша на распутье:  
выбор неудачницы**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=73852991](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73852991)  
ISBN 9785006964884*

**Аннотация**

Ариша Пряхина – двадцатипятилетняя учительница литературы Саратовской средней школы. Она критически оценивает свой возраст, рост и вес, и уверена, что синица в руке лучше, чем журавль в небе, а водитель Витёк с первого этажа – потолок её женского счастья.

Как изменится её жизнь, когда она узнает, что Витёк убит, за ней идёт охота, а импозантный незнакомец предлагает помощь?

Как события ироничного, остросюжетного, лирического приключения полностью изменят жизнь среднестатистической неудачницы?

# Содержание

Глава 1. Как рухнул старый мир	5
Глава 2. Дело с полудевственницей	14
Глава 3. Тихая провинциалка	29
Глава 4. Сомнительный принц	39
Глава 5. Одарённый грубиян	49
Глава 6. Ариша и Алёша	61
Глава 7. Гадкий цыплёнок	75
Конец ознакомительного фрагмента.	84

# **Ариша на распутье: выбор неудачницы**

**АНТОН ЯКОВЛЕВ**

*Редактор* Наталья Шевченко

*Корректор* Ксения Косолапова

© Антон Яковлев, 2026

ISBN 978-5-0069-6488-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# Глава 1. Как рухнул старый мир

*(Глава, в которой главная героиня знакомит читателя с особенностями своей личной жизни, сетуя на её безальтернативность, в связи с чем принимает решение о кардинальных переменах в отношениях с партнёром, который, однако, очень неординарным способом затягивает процесс расставания.)*

Витёк, как грациозный мустанг, подёргивая мышцами спины, голый стоял у окна, пуская сигаретный дым сквозь прорехи рулонных штор.

Конечно, никакого удовольствия от табачного запаха, пропитавшего, казалось, каждый миллиметр квартиры, я не испытывала, но и попросить не курить не решалась. Уж так сложилось, что всякий раз после свершившейся близости ему было необходимо закурить в моей спальне у открытого окна. При этом – видимо, в качестве поощрения – демонстрируя свой высокий мышечный тонус.

Признаться, этим качеством он меня уже давно не заводил. Просто я не из тех, кто находит атлетическое строение главным достоинством мужчины. А также не из тех, кто считает оргазм реальностью. Я из тех, кто считает, что синица лучше журавля и всё такое прочее.

Но Витьку это невдомёк, а я не собираюсь это с ним об-

суждать. Меня гораздо больше интересует, что делать с моим, уже переспелым, статусом верной подруги, в любой момент готовой к сексу с милым парнем с первого этажа. Кроме, разумеется, месячных: тут напор Витька был сломлен, у меня есть принципы.

– Завтра увидимся? – спрашиваю скорее для проформы, зная, что перед отъездом в Москву Витёк не откажется от утех без обязательств и от вкусного ужина. Тем более что готовлю я действительно хорошо. А мама с младшим братом тактично отдыхают до воскресенья на даче, предоставив полное раздолье двадцатилетнему ловеласу.

– Конечно, зайка! – бодро отвечает он, щелчком выбросив окурок в окно и плюнув ему вслед.

Манеры... стараюсь их не замечать, больше волнуюсь, не залетит ли бычок от сигареты в чьё-нибудь окно – всё-таки я живу на самом высоком этаже, на девятом. Кстати, по моей десятибалльной системе оценки мужских качеств Витёк находится примерно на втором месте с конца. Всего на один этаж выше его квартиры. Синица ли это? Скорее дятел. Но тоже птица – лучше, чем ничего.

– Вить, а может, прогуляемся, погода такая хорошая, – предлагаю я.

– Зай, мне ещё шефу позвонить надо насчёт машины, давай, может, завтра? – лениво врёт он, повернувшись ко мне. Затем обольстительно улыбается и дёргает накачанной грудью, украшенной татуировкой с изображением парашюта

и буквами «ВДВ».

Я изображаю восторг, закусывая губу и не испытывая при этом никаких чувств.

Разумеется, я заранее знала ответ, предлагая Витьку прогулку после того, как мы уже наобнимались: он всё равно найдёт отмазку, чтобы поскорее уйти. На то и был расчёт.

Но что мне с ним делать? Разорвать никуда не ведущие отношения? Пыталась. Он смог убедить начать их заново. Я слабачка? Конечно. Неудачница? Ещё какая! Понимаю ли я это? Естественно. А кого мне ещё искать в двадцать пять лет? Тем более он был у меня первым. Только для него это, в отличие от меня, кроме самоутверждения, ничего не значит.

– Ну, давай завтра, – как можно веселее отвечаю я, но, похоже, он смог уловить в моём голосе нотки разочарования.

– Аришка, ты ж моя хорошая, ты ж моя зая! Кто тут у нас обиделся? – засюсюкал стодевяностосантиметровый детина, работающий охранником у нувориша на Рублёвке.

Как же я терпеть не могу такие кривляния взрослых мужиков!

– Никто. Я не обиделась, – улыбаюсь при этом, словно он своим бляньем меня утешил.

– Вот и молодец! Давай завтра утречком машинку поводишь, а потом к тебе закатим, – предлагает он, найдя на полу свои трусы и натягивая их на мускулистые чресла.

Что ж, по крайней мере, он последователен в своём стрем-

лении научить меня управлять автомобилем после того, как я уже в третий раз провалила экзамен по вождению. И хоть на полчаса, но рисковал своей корейской машиной, пуская меня за руль на пустырях.

– Хорошо, но, по-моему, как водитель я безнадёжна, – накидываю я на себя простынь вслед за тем, как он надел джинсы и затянул ремень.

– Вовсе нет, зая, особенно, когда ты голая. Пошалим? – он игриво пытается сорвать с меня мою скромную накидку.

Ну да, конечно, шалун, на сегодня ты уже выдохся, кого пытаешься обмануть?

– Пошалим! – провоцирую я его, слегка обнажив ноги.

– Ой, ой, ой! – с укором говорит он, тут же отпрянув от кровати, и, надевая рубашку, продолжает: – Представляешь, шеф жене купил новый мерс, а старый подарил любовнице. Так она истерику закатила, мол, он и на жене ездил, и на ней ездил, и машину поезженную дарит. А мне теперь эту тачку ей перегнать надо, типа на продажу отвезти. Смешно?

– «Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно», – цитирую я Лермонтова, глядя, как Витёк одевается.

– Хорошо сказано. Это откуда? – спрашивает он, любуясь на себя в зеркало и одёргивая рукава рубашки.

Я не отвечаю, но этого и не требуется, поскольку на самом деле ему неинтересно. Ему интересно поскорей удрать домой.

– Зая, я пошёл, – нагибается он ко мне с дежурным поцелуем.

Я подставляю щёку и встаю, чтобы проводить до двери. Замок щёлкает, дверь открывается, закрывается, снова щелчок, и я иду на кухню ставить чайник, сожалея, что не курю.

Смотрю в окно и думаю, что даже не увижу, как он уходит по улице, потому что Витёк спустится на лифте на первый этаж и засядет в своей комнате за компьютер играть в сетевую игру. Что-то, наверное, в этом мире происходит не так, если мужчины предпочитают виртуальные игры в танки отношениям с женщиной.

А может, я совсем падшая? Двадцать пять лет – это много для девушки? Или уже женщины? Учительницы средней школы по литературе, сожительствующей с охранником? Какое дно ещё не пробито? Что-то мне вообще ещё светит? Средний рост, средний вес, даже школа, в которой я работаю, средняя. Какая-то круговерть безнадёги.

И неожиданно вместе с лучиком солнца, пробившимся за кухонным окном сквозь облако, я чувствую прилив сил и понимаю, что светит! Мне светит! Но я сама должна решить, что именно. Витёк – это балласт, который меня тянет за собой, и всё ниже, ниже, ниже. Если я останусь с ним, ничего не изменится в моей жизни. Замуж он не позовёт, теперь это стало очевидно. Почему именно теперь – не знаю, но стало. Всё, и точка.

И вот оно, утро следующего дня. Звонок по телефону.

Дальше будет по сценарию: Витёк торопит, чтобы я вышла на улицу, он уже ждёт у подъезда в машине. Сейчас откатаем полчасика и в кровать. Быстротечное пыхтение, сопение, пара стонов. Потом кофе с моими сырниками, поцелуй в щёчку и пока-пока, до новых встреч, милый друг.

– Вить, я не пойду, – говорю я в телефон и чувствую подкатывающую тошноту.

– Зая, не канючь, у меня времени мало! – нетерпеливо отвечает он.

– Вить, я больше не хочу так. Давай прекратим наши отношения.

– Ариш, ты опять? Ну чего ты? Мне скоро уезжать. Я же говорю, времени мало!

– Вить, так будет лучше. Прощай.

И, понимая абсурдность разыгранной драмы с человеком, который живёт со мной в одном подъезде, я завершаю разговор. Лети, синица!

Дрожащей рукой кладу телефон на стол и собираюсь начинать лить слёзы. Но слёзы не льются, зато подташнивает всё сильнее.

На третий день разрыва отношений с Витьком состояние улучшилось не намного. Аппетит не возвращался, голова не соображала. Особенно после его ночного сообщения на ватсап.

– Давай ещё по мороженому? Ты же не залетела? Значит, Витёк сам объявился? – не глядя на меня, с дружеской непо-

средственностью интересуется Натка, моя школьная подруга.

В отличие от меня, она уже шесть лет как замужем за нашим одноклассником Гришей Самородовым, и у них уже двое детей. Одна дочь – пяти лет – не умолкает ни на секунду со своим плюшевым динозавром в руках, а другая ещё не умеет ходить и сейчас выплёвывает соску в управляемой Наткой, как таксистом в час пик, коляске.

– Ты, Ариш, не отвечай ему пока, пусть помучается, осознает. Он там в Москве обломался с местными шаболами, так сразу о тебе вспомнил! Сразу в родной Саратов засобирался! – патриотично покупая в ларьке знаменитый саратовский пломбир, воспитывает меня подруга.

– Ох, не знаю вообще, отвечать ли... – искренне вздыхаю я.

– Ну конечно! Всё ты знаешь. У Витька машина, зарплата что надо, квартира и в твоём доме, и ещё однушка во Фрунзенском районе около цирка. Долго он ещё в Москве будет? Мужик-ровесник, здоровый, что тебе ещё надо? – не даёт она мне выразить опасения о нашей с Витьком разнице в мировосприятии.

– Что мне надо, Нат? Дай подумаю. Любовь для начала, – пытаюсь я быть убедительной.

– Так люби на здоровье. Ему это не мешает в Москве любить других. Не будь неудачницей. Тебе уже двадцать пять, пора делать выбор, а то провыбираешься, одна оста-

нешься! Я знаю, что говорю, Ариш, – и Натка принимается так неистово раскачивать коляску с расплакавшейся дочкой внутри, что я начинаю сомневаться в её адекватности.

Но сама себя сдерживаю, чтобы не дать характеристику её Грише, который по моим критериям находится на последнем месте. Но понимаю, что она замужем уже шесть лет и у неё двое детей. Мне ли с ней спорить?

А ночное послание Витька: «Аришка, привет! Я много думал о нас. Скоро приеду и скажу тебе что-то важное. Целую, зая!» – не сильно отличается от других за все два года нашего вялотекущего романа. Да и романом это назвать язык не поворачивается. Или такими они и бывают? Другого опыта у меня не было.

– Может, ты и права, приму его в который раз. Дятел так дятел, – говорю больше для того, чтобы закончить тему и поговорить о чём-нибудь другом. То есть о детях Натки и их поведении, так как других тем у Самородовой с рождением второй дочери поубавилось.

– Вот, подруга, здравое решение! – одобряет она, прекратив, наконец, яростные попытки разломать коляску. Так уж выглядело со стороны её убаюкивание ребёнка.

Мы сворачиваем в сторону парка в надежде покормить фундуком белок, и в это время у меня звонит телефон.

Достаю его из сумочки и вижу на экране знакомое имя.

– Кто там? – спрашивает Натка и, увидев кто, тут же выпаливает: – На ловца и зверь бежит! Вот тебе подтвержде-

ние, что я права. Давай уже отвечай, чего ждёшь?

Я, поражённая такой прозорливостью подруги, нажимаю принять вызов и, изобразив весёлое безразличие, говорю:

– Привет, Вить.

– Здравствуйте. Вы – Арина Тимофеевна Пряхина? – вместо ожидаемого зычного голоса слышу я незнакомый и какой-то официальный.

– Да, это я, – отвечаю, делая Натке удивлённые глаза.

– Вы знаете Виктора Геннадьевича Сметанина? – задают мне вопрос.

– Да, знаю. А что с ним?

– Виктор Геннадьевич был найден сегодня ночью мёртвым. Я из следственного комитета, старший лейтенант Кирпичёв. Мне нужно с вами поговорить.

«Лети, лети, синица, у тебя нет времени. Я же не упаду в обморок?» – отчётливо прозвучало у меня в голове, в глазах потемнело, и показалось, что мир рухнул.

А затем без чувств я упала на асфальт.

## Глава 2. Дело с полудевственницей

*(В которой, судя по названию, начинают происходить весьма необычайные явления как во внутреннем мироощущении героини, так и в окружающем мире, который почему-то оказывается к ней враждебен до такой степени, что она отказывается от секса со следователем.)*

Размышления о том, что я не падаю в обмороки, привели меня к уверенности в том, что мне конец.

Нет, действительно, я не какая-то оранжерейная фифа, с которой пылинки сдували. И школу закончила без троек, и в педагогический поступила и окончила без блата, и на работу сразу устроилась. И всё это – пережив в пятнадцать лет смерть отца.

Брату Олежке было девять, и дабы не травмировать его детскую психику и поддержать в горе маму, я тогда в обмороки не падала. Чуть не облысела – да. Седеть начала – да. С тех пор и краситься стала в брюнетку, похоже, сублимируя своё состояние в цвет. Похудела до крайности – да. Но при Олежке, хоть тресни, напяливала улыбку на лицо и отвлекала от похорон с дипломированной виртуозностью мозгоправа, чтобы он как можно легче воспринял потерю папы.

И вот на́ теперь – не будь неудачницей! Как пьянчужка, с гематомой над левой бровью и поцарапанной щекой в ре-

зультате поцелуя с асфальтом, еду в сторону Павелецкого вокзала. Как гламурная дурочка, не снимаю с себя большие пляжные очки с жёлтой оправой – Наткин подарок, только они и смогли скрыть опухлость, жирной складкой спадающую на ресницы. Уж лучше бы фингал был под глазом, чем такая красота сверху!

– Докатилась, Пряхина, ещё каталог синяков осталось потребовать, чтобы выбрать лучший. Встречай, Москва, провинцию! – негромко пробрюзжала я вслух, свернувшись калачиком на верхней полке купе и глядя на мелькающие дома за окном.

– Что ты говоришь, Ариш? – донёсся снизу голос одной из попутчиц, пожилой толстой тётушки, зачем-то взявшей билет на верхнюю полку, но не сумевшей на неё взобраться.

В результате кто полез на бельэтаж? Конечно, я. Я смогла одолеть эту высоту, любезно предоставив свою изменность в распоряжение не-помню-как-её-зовут. Кому ещё так везёт?

– Говорю, скоро уже подъезжаем, – ответила я.

– Да, надо ещё раз в туалет сходить! – соглашается пенсионерка с другого нижнего места, и обе попутчицы одновременно собираются выйти в коридор, застряв в дверях.

Воспользовавшись тем, что они покинули купе, я решила быстро переодеться. Сняла шорты, надела джинсы, сменила тапочки на джинсовые кроссовки. Спартанский наряд, надо признать, не мой любимый, но и цель оправдывает стиль одежды – не для бальных танцев я приехала в столицу. К со-

жалению.

«Лето – это маленькая жизнь!» – оптимистично пел мужчина по радио.

– Это маленькая смерть, – снимая рюкзак с верхней полки, сказала я с неприязнью к песне.

За сутки, что прошли со смерти Витька, мой мозг ещё не перестроился на позитив и спонтанно конструировал предложения, отражающие моё отношение к реальности.

Хорошие каникулы выдались. Ждала лето, ждала – и вот дождалась. Надеялась, что как-то упорядочу отношения с Витьком или вообще прекращу их. А вместо этого старший лейтенант следственного комитета Кирпичёв вызывает меня в Москву.

Разве так ведётся следствие? Я думала, он ко мне придет. Хорошо устроились. Могли бы мне отдельный СВ тогда взять. Хоть купе сами заказали и оплатили туда-обратно, и на том спасибо. Да ещё и гостиницу на ночь оплатили. Хотя, если разобраться, с чего это спасибо? Вообще-то я им одолжение делаю.

В конце концов, права Натка: хватит быть неудачницей. Если мне выпало поехать в Москву, так стоит это использовать, чтобы не концентрироваться на одном только трагичном событии. Всё лучше, чем с депрессией встретить июль в квартире на Большой Казачьей.

Сначала мне было безразлично и я не собиралась никуда ехать. Хотелось впасть в уныние недели на две, а там видно

будет. Но следователь Кирпичёв был так любезен и убедителен: мол, дело деликатное, и, прежде чем на опознание придет тётя Лариса, мать Витька, лучше сперва мне его опознать, так как именно я, оказывается, ему была ближе других и могу с наибольшей точностью подтвердить его личность. Прощальный комплимент от Витька: оказывается, ближе меня у него не было.

– Езжай, Ариша, глядишь, может, следователь мужик толковый, может, чего того, – настраивала меня Натка перед отъездом.

– Ты сейчас про что? – спросила я.

– Ну и что, что мент! Тебе, может быть, выбор предоставляется. Вселенная открывает двери! У меня чуйка на перспективные начала! – вдруг набросилась на меня подруга со своей любимой околесицей о конструкторе личного счастья, начитавшись литературы про построение собственного успеха методом убеждения и аффирмаций. Прожужжала все уши уже про управление судьбой. Да и ладно, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не макулатурой про принцев и розовых драконов с феями. Бр-р-р, не переносу эти сопли!

Доверившись Наткиной чуйке и заручившись маминым благословением, я отправилась в Москву, больше руководствуясь чувством оказания последней услуги для Витька, чем пользой для следствия.

Едва я помогла своим пожилым спутницам спустить их сумки-тележки на перрон, передо мной, словно дав мне для

этого время, как по волшебству возник молодой, стриженный под ёжик мужчина с квадратной челюстью.

– Арина Тимофеевна? – спросил он.

– Да.

– Я из следственного комитета, лейтенант Блохин, – он показал удостоверение, которое я не рассмотрела. – Пройдёмте в машину, доставлю вас к следователю.

«Доставлю... Доставка блюд. Не хотелось бы стать блюдом», – мелькнул в голове каламбур и так понравился, что я еле заметно улыбнулась.

Этот крепыш в ветровке молча смотрел на меня, не предлагая взять рюкзак. Видимо, ожидая моего согласия.

– Хорошо, – сказала я, и он зашагал впереди, указывая дорогу.

Блохин щёлкнул удостоверением перед проверяющими багаж на выходе, и я вместе с ним прошла без досмотра.

Оказавшись на улице, я не успела насладиться видами города, так как автомобиль, на котором за мной приехали, стоял прямо у здания вокзала. И это была не полицейская машина с синей полоской посередине кузова, а чёрный BMW.

Полицейский открыл мне дверь, и я уселась на заднее сиденье, поместив рюкзак на колени и обхватив его руками. Подумав, что выгляжу как Фрося Бурлакова, я тотчас поставила рюкзак рядом и даже немного вытянула ноги. В моём понимании это означало держаться уверенно и независимо.

Блохин запустил двигатель, и автомобиль тронулся с ме-

ста, а уже минут через десять остановился у высокого стеклянного здания.

Мы поднялись по ступенькам к входу, прошли в фойе через охрану и, вызвав лифт, добрались на пятый этаж.

В конце широкого коридора Блохин остановился перед дверью и, приоткрыв её, сунул внутрь голову.

– Проходите, – сказал он, пропустив меня вперёд, а сам остался снаружи.

Кабинет был просторный, весь в светлых тонах. За столом рядом с окном сидел молодой человек в синей форме и очках, угловатый и суетливый, с чёлкой, на мой взгляд, слишком длинной для его профессии.

– Арина Тимофеевна, здравствуйте, я – следователь Кирпичёв. Присаживайтесь, – не поднимаясь с места, указал он рукой на стул напротив себя.

– Здравствуйте, – ответила я, усаживаясь.

– Арина Тимофеевна, благодарю, что приехали. Скажите, где вы были в ночь с первого на второе июля? – причём первое предложение он произнёс доброжелательно, а второе – с угрозой.

Несмотря на природную скромность и врождённое смирение, меня охватил внутренний протест от такого начала беседы, и я холодно произнесла хрестоматийную фразу, почерпнутую из сериалов:

– Это допрос?

Несмотря на мироощущение неудачницы, перманентно

подогреваемое во мне по жизни подругой Наткой Самородовой, голос мой прозвучал не дрожащим, а уверенным и спокойным.

Следователь Кирпичёв уставился на меня, словно только что заметил моё присутствие, дунул на свою чёлку, отчего волосы ещё больше закрыли его очки, и, улыбнувшись толстыми сальными губами, ответил:

– Ну что вы, Арина Тимофеевна. Изъяны профессии. Вы же сами учительница, понимаете, что образ жизни откладывает отпечаток на голос, согласны?

«Скорее на внешность», – подумала я, глядя на него, но кивком согласилась.

– Мы в вас заинтересованы, вон и гостиницу хорошую заказали, такие привилегии далеко не для каждого.

– За что же мне такая честь?

Кирпичёв хлопнул в ладоши, как мне показалось, от удивления и постарался искренне рассмеяться, но было очевидно, что не от души.

– По вашей речи сразу видно человека благородной профессии. Как приятно с вами общаться, Арина Тимофеевна!

«С кем же вы общаетесь, что от одной моей фразы вас экстаз накрывает?» – опять подумала я и улыбнулась следователю, слегка склонив голову в благодарность за комплимент.

Он тоже, благодушно улыбаясь, смотрел на меня сквозь светлые волосы, вновь упавшие на очки. Но даже при такой маскировке я заметила холодный и расчётливый взгляд, как

у змеи. Изучает меня. Да пожалуйста, смотри, любуйся, мне скрывать нечего. Напрягал только дикий контраст между мимикой на крупных губах и стеклянными глазами.

Наконец он, подмахнув чёлку пальцем, перестал рентгеном зрачков буравить моё сознание и мягко заговорил:

– Дело у нас очень щепетильное, как я уже говорил вам по телефону. Возникли подозрения, что в морге может быть не его тело, не Виктора. И вот хорошо бы вам его опознать, а то понимаете, каково это будет для Ларисы Егоровны Сметаниной.

– А что, больше его здесь никто не видел и не знает? Бизнесмен, у которого он работал? Да и девушки наверняка были?

– В том-то и дело, что работодатель не может подтвердить личность вашего приятеля. Сильно заболел и не имеет возможности передвигаться. А про девушек нам ничего неизвестно. Мы, конечно, проверяем все связи, но пока нет данных.

Мне подумалось: а вдруг у Витька и не было никого, кроме меня, вдруг он действительно для меня на заработки ездил?

И ещё, несмотря на антипатию с первого взгляда, возникшую к Кирпичёву, я живо представила тётю Ларису в такой ситуации, и мне стало её очень жалко, настолько сильно, что у меня на глазах навернулись слёзы и пара капель покатались по щекам.

– Вот видите! Нельзя так травмировать гражданку Сметанину!

Кирпичёв участливо налил из графина, стоящего на столе, воды в стакан и, поднявшись со своего вращающегося кресла, подошёл ко мне.

Я сделала пару глотков, чтобы успокоиться. Я пустила слёзы не столько от жалости, сколько от усталости и нервозности, вызванной обстоятельствами. Мне захотелось объяснить это Кирпичёву, сказать, что я нормальная, но решила промолчать. Пусть думает обо мне что хочет.

Он же, утешая меня, придвинул стоявший у стены стул и уселся напротив.

– Так где вы были в ночь с первого на второе июля? – вкрадчиво продолжил он.

– Дома спала.

– А кто может это подтвердить?

– Мама и брат. И ещё куча людей, с которыми я общалась утром и вечером.

– Но не ночью.

– Я вам сказала уже. Спрошу снова: это допрос?

– Нет, нет, нет! Мы с вами союзники!

Он молитвенно сложил руки и потряс головой, опять уронив волосы на глаза.

Мне нестерпимо захотелось схватить его за чёлку и вырвать её вместе со скальпом. Но это было бы абсурдно в его кабинете в следственном комитете.

Однако он, похоже, вместо раздражения прочитал в моих глазах возмущение от его вопросов и, поднявшись, вернулся в своё кресло за столом.

Мы оба молчали, глядя друг на друга. Мне показалось, что время остановилось.

Наконец, следователь подал голос:

– Арина Тимофеевна, что вам передал Виктор Сметанин в ночь с первого на второе июля?

Приехали! И ведь не скажешь, что я *перестала* его понимать, так как с самого начала не понимала его загадочных намёков и вопросов.

Он прищурил глаза, ожидая от меня неведомо какой информации.

– Что он вам передал, Арина Тимофеевна? Вы же будете с нами сотрудничать?

– Вашей любовницей я не буду! – не знаю с чего, безапелляционно заявила я опешившему от такого признания следователю.

«Вот я овца!» – тут же следом разразилось громом у меня в голове, и я в ужасе прижала руки к губам.

Даже подумать боюсь, почему в этот момент я его представила рядом с собой.

Похоже, ночи без сна и стресс довели меня до кондиции. Иначе как это вообще объяснить?!

А может, дело в том, что к двадцати пяти годам из мужчин у меня был один только Витёк, да и тот наездами. А теперь

и его нет! Спасибо тебе, соседушка! Как обычно со мной – ни то ни сё: и старой девой уже не назовёшь, мужчина-то у меня всё-таки был, но такой невнятный и так мало, что и повидавшей виды опытной женщиной – тоже никак. Уж лучше бы ни с кем не была. А так выходит, я полудевственница какая-то – новая разновидность самки в постмодернизме.

Кирпичёв в своей криминальной практике явно ещё не имел дело с полудевственницами и потому не знал, как пережить моё признание.

– Э-э-э... – протянул он, не иначе как потрясенный таким откровением. – Арина Тимофеевна, вы пока езжайте в гостиницу, Блохин вас доведёт. Отдохните немного, а к шестнадцати часам мы за вами заедем. Быстро проведём опознание, и утром поедете домой.

Сгорая от стыда, я тем не менее гордо кивнула. И отметила с каким-то несвойственным мне зазнайством, как же я себя держу. Какая я, оказывается, крутая!

Кирпичёв открыл дверь и, позвав Блохина, любезно выпроводил меня из кабинета. Бритоголовый молодец с квадратной челюстью, как и недавно на вокзале, просто зашагал вперёд, не оборачиваясь.

В дверях лифта мы разминулись с женщиной в возрасте с лёгкой щетиной на лице. Он мельком исподлобья бросил на меня и моего сопровождающего такой высокомерно-презрительный взгляд, что я, по горячим следам своего безумного поведения в кабинете следователя, снова исполнилась

оскорблённого гнева и расправила плечи так, чтобы он стукнулся об меня. Но он ловко и аккуратно приостановил моё плечо ладонью, бросив что-то наподобие: «Осторожнее, дамочка», – и вышел, оставив в кабинке, надо признаться, вкусный запах очень дорогого парфюма.

Я фыркнула ему вслед и даже думала сказать что-то дерзкое, но, пока собиралась с мыслями, Блохин уже нажал кнопку первого этажа, и двери лифта закрылись.

«Ещё один неприятный тип за день!» – возмущённо подумала я.

Интересно, откуда взялось столько гонора у учительницы литературы? Неужели от осознания, что я такой важный кадр для полиции, что мне даже отель оплачивают?

«Нет, не нужно так себя вести, это всё на нервной почве, я же не такая, остепенись, Ариша».

С такими мыслями я доехала до гостиницы, располагавшейся на первом этаже пятиэтажного дома во внутреннем дворе, где меня без проволочек заселили.

С нетерпением приняв душ и позавтракав яичницей и творожной запеканкой, запив это всё большой кружкой капучино, я позвонила маме, рассказала, как приехала в Москву, как была в следственном комитете, опустив подробности разговора с Кирпичёвым. Следом позвонила Натке и развеяла её ожидания от перспективы моих отношений со старшим лейтенантом.

Но она была непреклонна, продолжая учить меня, как до-

биться успеха:

– Ты, главное, не подстраивайся под обстоятельства. Используй их с выгодой. Я, даже в глаза не видя этого следователя, могу рассказать, как его к себе расположить. Знаешь, пора тебе книгу дать прочитать, как вернёшься.

– Нат, да он вообще не в моём вкусе! И чёлка у него бабья! И книгу твоего японца ты мне уже пересказала раз десять.

– Что чёлка! Хочешь лысого? Тебе судьба стучит в двери, а ты не хочешь открывать!

Всё же каким-то образом моя Самородова умеет предвосхищать грядущие события: как в тот раз со звонком следователя, так и теперь одновременно с её фразой ко мне в дверь постучали.

С первого раза я даже не поняла, что это за звук. Подумала, соседи копошатся или кто-то ремонт затеял на верхних этажах.

Но, выждав паузу, стук повторился – и это точно было в дверь: тук-тук-тук.

– Натка, мне пора, ко мне пришли, созвонимся, – быстро попрощалась я с подругой, посмотрев на часы.

Половина четвёртого. Может, даже и лучше, что пришли раньше. Я старалась не думать о предстоящем опознании, чтобы не сойти с ума от страха и не сбежать из гостиницы. Раз уж вписалась в историю, надо доводить её до логического финала.

Я уже была в походной форме, то есть джинсах и футбол-

ке, и открыла, не спрашивая, кто там. Зачем, если больше никому, кроме Блохина?

Но оказалось, есть кому. В дверях стоял тот самый мужчина в пиджаке, забывший с утра побриться, с которым я столкнулась в лифте.

«Ага, господин дорогой парфюм, – подумала я параллельно с другой мыслью: – А вам чего надо, неприятный тип?!»

– Арина Пряхина, – произнёс он утвердительно.

– И что? – скрестив руки на груди, спросила я.

О том, почему, видя его, я сразу начинала ощетиниваться, у меня даже желания не было рассуждать.

– Дамочка, не время показывать характер, лучше берите вещи и идите за мной.

– Да с какой стати! – я аж задохнулась от возмущения и на выдохе вместо чего-то умного, взмахнув руками, воскликнула: – С какой стати я вам дамочка?!

Мужчина на пару секунд закрыл глаза, словно сдерживая себя, и ответил, не меняя интонации, своим приятным, но наглым баритоном:

– Дурочка, вас сейчас убивать будут.

Я онемела, но уже не от негодования. Это был страх. Не могу объяснить, но я почему-то сразу поверила этому мужчине с глубокими тёмно-синими глазами в окружении мелких морщинок.

– Я, я... – выдавила я из себя жалкий звук, и в этот же момент в коридоре показался человек в чёрном, быстро дви-

нувшийся в нашу сторону.

Стоящий в дверях мой знакомый незнакомец грудью бросился на меня, втолкнув обратно в номер, и одновременно раздался грохот выстрела.

Я постыдно пискнула, больно упав на пол.

И вслед за этим, похоже, меня убили.

## Глава 3. Тихая провинциалка

*(Где для начала Ариша исполняет попурри танцев мира, хвастаясь своей хореографией, а затем допускает нескромные помыслы об интиме с потерпевшим крушение плантатором на необитаемом острове, сама не веря в успех мероприятия.)*

Свет в конце тоннеля в этот раз увидеть не пришлось. Слепившая меня яркая вспышка была вызвана искрами от соприкосновения затылка с гостиничным полом. Я-то всегда думала, что это образное выражение – про искры в глазах, и верила только в круги под ними, по утрам глядя на себя в зеркало. Но вот теперь мой опыт значительно обогатился: кроме подтёка над бровью теперь ещё и шишка на голове, как у пришельца. Русская красавица! Держитесь, мужики столичные, всех соблазнию! Натка будет довольна.

Так, стоп! Меня толкнули, я упала, а ещё был выстрел. А до этого были слова, что меня убивать будут. Их сказал небритый незнакомец в возрасте, а потом что сделал? Начал меня убивать или спас? Судя по тому, что он швырнул меня вглубь комнаты и ударом ноги захлопнул дверь, скорее всё-таки спас. Или меня спасают от него те, кто за дверью? В таком случае что мне делать? Быстро встать и треснуть незнакомца вазой по голове, пока он припирает собой дверь, стоя

ко мне спиной?

Удивительно, но вся эта дедуктивная аналитика обработалась моим сотрясённым мозгом за какие-то пару секунд, отсчёт которых пошёл после контакта головы с полом. Но тогда я об этой удивительной стороне своей личности не задумалась. Придёт время, ещё похвастаюсь. В настоящий же момент, логично рассудила я, нужно быстро встать – ноги сами поймут, что делать дальше.

«Давай, Ариша, пора делать выбор!» – сложились мои мысли в жизнеутверждающий лозунг.

Но в этот раз могучая женская логика ошиблась в последовательности действий, и, когда я резко вскочила на ноги, голову обдало болью, и внутри и снаружи всё закружилось. Как прима балета, я исполнила отвратительную партию заколдованной принцессы, и, совершив неграциозный пируэт, моё неуправляемое туловище, накренившись, как подъёмный кран, понеслось на незнакомца, выглядывающего из приоткрытой двери в коридор.

«Какая же я дура!» – за эти секунды лебединой лезгинки успело вторично проявиться моё феноменальное свойство мыслить критически в роковые мгновения.

– Куда?! – возмущённо вскричал немолодой мужчина, в результате моего боевого танца прижатый дверью к пластиковому косяку.

Оказывается, он не просто так глядел в коридор, а со смыслом, потому что в руке у него был пистолет.

«Пистолет! Он убийца!» – как током прошибло меня внезапное озарение моего отчаянного положения.

Следом за этим открытием из коридора раздались выстрелы, и в дверном полотне образовалось отверстие, через которое с глухим звуком вылетела древесная труха и пыль, попавшая мне в нос.

Но я и чихнуть не успела. Тот, кого я, крепко подумав, приняла за убийцу, тоже выстрелил, отчего у меня вдобавок к носу заложило ещё и уши, и тогда моё сознание, однажды найдя способ уходить от участия в сложных вопросах, снова потерялось.

Вернулось оно, на мой взгляд, не в самый удобный момент. Меня, подхватив одной рукой за талию, пытался вынести из номера тот самый неприятный тип с приятным парфюмом, демонстрируя свои отличные физические данные. Я висела на его руке головой вниз, лицезрея собственные обтянутые джинсами ноги средней стройности. Со стороны могло казаться, что заботливый супруг несёт домой крепко перебравшую в гостях вторую половину.

– Куда вы меня тащите? – прошипела я, обращаясь к узорчатой ковровой дорожке перед своими глазами.

– В машину, – коротко ответили мне, как будто это было само собой разумеющееся.

– Отпустите! – страдая от почти не управляемого страха и боли в трещавшей голове, тем не менее гневно потребовала я.

– Идти можете? – мужчина остановился и грубовато помог мне встать ровно.

– Куда?

– Я же сказал: машина рядом! – властно рявкнул он.

– Я вам не эскортница! – поразилась я своему остроумию, блеснув смелым, но стихийным экспромтом. И откуда только у тихой провинциалки прорвался такой форс?

– Дамочка, хватит дурить. Я спасаю вам жизнь. Если вы против, я спасу только свою. Хотите – оставайтесь здесь.

Его слова были произнесены быстро, но столь спокойным и даже отстранённым голосом, что меня это напугало больше недавней перестрелки. Нервная спесь с меня спала, и я внезапно почувствовала доверие к небритому незнакомцу. Решила, что лучше обижусь на него позже, а сейчас, если может, пусть спасает обоих, но я в приоритете.

Стресс, подстегнувший меня к дерзости, теперь обрушился на меня невыносимой усталостью и страхом, и из глаз полились слёзы.

– Я так понимаю, что вас можно спасти? – без участия к моим эмоциям холодно уточнил он.

Я покивала головой, не в силах уже говорить.

– Ваши вещи здесь? – спросил он.

Оказалось, что в другой руке он нёс предусмотрительно захваченный из номера мой рюкзак.

Я опять кивнула, и тогда, подталкивая меня вперёд, он направился к выходу из гостиницы.

Робко высунувшись из-за стойки ресепшена, тоскливым взглядом нас проводил молодой администратор с округлёнными от ужаса глазами.

На парковке рядом стояла белая «Нива», подойдя к которой, мой, как теперь выяснилось, спаситель открыл дверь и откинул сиденье, предлагая мне пройти в салон.

– Что вы медлите? – нервно спросил он.

– Там кремики! – трагично обернувшись назад, простонала я, внезапно проникшись жалостью к косметике, оставленной на столике в номере.

Бесчувственный мужлан сделал свирепые глаза и одним движением впихнул меня в машину.

– Надеюсь, вы поняли, что вам грозит опасность? – риторически спросил он, запустив двигатель и рванув автомобиль с места.

Я кивнула, подавленно пробормотав, как филин, глухое: «Угу».

– Тогда соберитесь и слушайте меня, – наставительно, как школьнице, выговаривал он.

Ноги мои тряслись, во рту пересохло, меня всё сильнее мутило, и снова почувствовалась дурнота, предвосхищающая приближение очередного обморока.

Но своевременно вспомнив, как Натка поучала, что любое своё состояние можно эффективно контролировать внушением, я решила воспользоваться практикой опытной подруги, чтобы взять себя в руки.

«Я не кисейная барышня. Я теперь не потеряю сознание!» – твёрдо приказала я себе, почему-то допустив крамольную мысль: «Теперь меня вырвет».

И следом за этой психологической самоустановкой меня, в подтверждение эффективности Наткиных ментальных приёмов, действительно стошнило на велюровую поверхность сиденья отечественного автопрома.

Похоже, сработал-таки закон сохранения энергии, преобразовав мои страдания из одной формы в другую.

Водитель обернулся, испепеляя меня синевой свирепых глаз и рискуя не вписаться в арку, выводящую наш автомобиль со двора на шоссе.

К его чести он промолчал и сосредоточенно, но слишком резко и дёргано продолжил поездку по московским улицам.

– Простите, – сгорая от стыда и поколачиваемая крупной дрожью, пробормотала я жалким голосом.

Мне подумалось: пусть этот мужчина и не имел изначально намерения меня убить, но теперь у него появились все мотивы увезти меня в лес и там прикончить. Про сексуальное насилие я мысли не допускала: в нынешнем виде и состоянии я вряд ли бы возбудила даже Робинзона Крузо, двадцать восемь лет просидевшего одиночкой на чилийском острове в Тихом океане.

Движимая инстинктом самосохранения, я на всякий случай, стараясь выглядеть искренней, пообещала:

– Я всё вымою... Я беременная... – решив солгать во спа-

сение и повысить градус доверия к себе, добавила я, скосив против воли глаза.

Лишь бы не заметил предательского поведения моих серых очей! Может, эта информация возымеет смягчающее действие...

В ответ нервный водитель издал странный звук, нечто среднее между рычанием тойтерьера и куриным кудахта-нием, слышать которое мне доводилось на нашей даче – из курятника на соседском участке дяди Валеры.

Выждав мучительную для меня паузу, он, остановившись на светофоре на красный свет, спросил:

– Вы догадываетесь, куда влипли?

Сам посыл вопроса был крайне негативным и не оставлял надежды, что меня с кем-то перепутали. Завтрашний отъезд на поезде в спокойный Саратов ставился под большой вопрос, и я испугалась, что меня снова стошнит.

Ненавидя «Ниву» за неоткрывающиеся задние окна и отсутствие дверей, я отрицательно покачала головой.

– А деятельность Виктора Сметанина вам не подсказывает причину охоты за вами?

Из всего вопроса до меня дошли только слова про охоту за мной, и сердце, реагируя на них, колотнулось так, что я закашлялась.

Мы поехали на зелёный свет, и, когда я престала хрипло дохоть, мой бестактный собеседник продолжил допрос с пристрастием:

– Вы что-нибудь знаете о пропаже драгоценностей, связанных с деятельностью Сметанина?

– Какой деятельностью? Он был водителем, – высоким дребезжащим голосом (аж самой противно стало) наконец ответила я.

– Вы хотите сказать, что не знаете, чем он занимается у Карагианниса? – прозвучала череда неопределённых понятий, истязаяющая мою филологическую нравственность.

– Какая пошлость! Это омерзительно! – оскорбилась я, сама не зная на что.

Мой спутник вновь повернулся ко мне с выражением, впервые означаящим не гнев или раздражение, а скорее потерянность.

«Вот так, Ариша! Вот так!» – самолюбиво хвастанула я, мысленно торжествуя. Правда, тут опять возникал тупик: над чем я торжествовала – было не определено.

– Что это значит? Если вы знаете что-то о нём... – начал мой небритый водитель, но я перебила его, решив не упустить появившуюся возможность доминировать над brutальным грубияном:

– Я знаю, что он мёртв. Этого, по-моему, достаточно, чтобы от меня отстать.

Грубиян, дерзко усмехнувшись, возразил:

– А я этого не знаю.

– Не знаете, как от меня отстать?

– Не знаю, что Сметанин мёртв, – сворачивая на пере-

крёстке, сказал он.

– Как не знаете? Почему не мёртв? – нужно признаться, как-то глуповато спросила я.

– Я его не видел.

Я попыталась сглотнуть слюну, но её не оказалось, и тогда, начав задыхаться, я схватилась рукой за слипшееся горло.

– С вами всё в порядке?

Ну вот, теперь идиотский вопрос от него. Один-один. Или в этом состязании я себе польстила?

– Мне нужна вода... и в туалет... – просипела я, закрывая глаза.

Он без лишних слов остановил машину у кафе, так кстати оказавшегося на пути нашего следования в неизвестное мне куда. Затем вышел из машины и наклонил спинку своего сиденья, предоставляя мне возможность выбраться на свободу.

Глоток свежего воздуха – и мне уже лучше.

– Вот вам кафе, и не тяните, дамочка, поторопитесь, – резанула мой слух очередная грубость.

Но стоило вырваться на простор из ограниченного двумя дверями пространства, как запах свободы ударил мне в голову и заставил смело, как стихи со сцены, продекламировать гимн феминизму:

– Я не дамочка! Я Арина Тимофеевна! Я молодая и... – слово «красивая», что скрывать, само напрашивалось, но врождённое чувство прекрасного не позволило мне его употребить в данных реалиях. Особенно после моло-

дой Арины Тимофеевны. Ну, правда, звучало как журавлиная песня пушкинской няни, пусть даже Родионовны. Это было бы явным перебором саморекламы от среднестатистической неудачницы с фингалом над глазом, шишкой на затылке, кашляющей и блюющей на заднем сиденье... да ещё и в дыплячьего цвета гостиничных тапочках.

Мой взывавший было гонор тут же с меня и слетел, и я, несомненно, тронувшись мозгами от интенсивности драматических эпизодов в моей жизни, в третий раз за день рыдалась в голос, как актриса погорелого театра, указывая правой пятернёй себе на ноги:

– Мы кроссовки забы-ы-ыли!

И в ответ (о чудо!) сорокалетний зверь заговорил человеческим голосом с нотками сочувствия:

– Ничего, мы купим новые. Не плачьте, дамочка...

Или сочувствие мне только пригрезилось?

## Глава 4. Сомнительный принц

*(В которой Ариша узнаёт, что маньяка можно вычислить по его отношению к смартфону, а исчезнувший Витёк сделал всё, чтобы её не только убили, но и подвергли пыткам.)*

Умылась, прополоскала рот, привела себя в порядок – насколько позволяла ситуация.

Ничего, нормально, не в невесты набиваюсь, а рядом с моим возрастным спутником в худшем случае буду казаться ровесницей.

Адреналиновая тряска уступила место глухому волнению, пронизывающему каждую клеточку моего утомлённого нервными потрясениями организма.

Мысли стали более ясными, но за их качество я не ручалась – после всех поразительно несвойственных мне умозаключений и поступков за сегодняшний день.

Уселась на переднее сиденье, прикрыв заднее прихваченными из туалета бумажными полотенцами.

В рюкзаке нашла Наткины пляжные очки. Хорошо, что убрала их в боковой карман, а не оставила на столе вместе с кремами. Теперь будет гармоничное сочетание жёлтой оправы с махровыми тапочками на ногах.

Судя по тому, что за окном бушевало нагромождение вы-

соких многоэтажных домов, мы находились в центре города.

– Куда мы едем? – был мой первый вопрос после посещения кафе.

– В область. Это МКАД, – показал мой водитель на многополосные зигзаги асфальтовой паутины, раскинувшейся под и над нами, разобраться в направлениях которой, на мой взгляд, нормальному человеку невозможно.

– МКАД? Это спальный район?

– Ну, не центр же.

– Я так и поняла, – безразлично ответила я, подметив про себя, что частенько стала подвирать.

– Вы наблюдательны, это хорошо.

– Вообще-то я решила, что мы в центре. Дома большие... – после моего позорного поведения на заднем сиденье перебороть свой стыд было несложно, и признание мне далось легко.

– И честны. Это тоже вас красит.

– Ага, больше краситься нечем, – вновь вспомнила я про оставленную в гостинице губную помаду и тушь.

– Вы и так... – отчего-то он не продолжил речь про то, как я прекрасно выгляжу, и сосредоточился на дороге.

– И как?

– Достаточно остроумны, – ответил так, словно издевался.

Или нет?

На всякий случай я решила на время замолчать, чтобы не испортить хоть какое-то положительное впечатление о се-

бе.

Однако долго хранить гордое молчание не удалось, ибо от озарения, куда мы можем ехать, меня прошибла испарина.

– Куда мы едем?! – оторопело повторила я свой вопрос.

– В область. МКАД проехали только что, – терпеливо, как я с отстающими по школьной программе учениками, повторил он сказанное минуту назад.

Теперь он подумает, что у меня склероз. Да и плевать! Может, всё же он и есть главный злодей, который обманом завлёк меня в машину и везёт убивать?

Да, всё логично, только почему он тогда не убил меня в гостинице? Ответ прост! Он маньяк и играет со мной, как кошка с мышкой!

Логика была неоспорима, но возникал новый вопрос: меня же с ним видели – и в гостинице, и в кафе – как-то неосмотрительно для маньяка.

Я принялась осторожно изучать его лицо, делая вид, что люблю пейзажем с его стороны.

Вот он, крутой мужчина с трёхдневной щетиной, везёт меня в повидавшей виды «Ниве» с такой надменностью, словно управляет роскошным внедорожником. Взгляд живой и умный, глаза с лёгким прищуром, как будто он ко всему относится с усмешкой, типа самый умный. Волосы тёмно-русые, чуть прореженные сединой, нос прямой, уши аккуратные, родинка на виске. Да не такой уж он и старый. На вид ему... тридцать пять? Нет, наверняка сорок, или остановим-

ся на среднестатистическом...

«Стоп! – прервала я свои наблюдения. – Ариша, соберись! Что я творю?! Моя задача – выяснить, что он собирается со мной сделать, а не сколько ему лет».

– Зачем мы едем в область? – вернулась я к верному направлению мыслей.

– В гостиницу.

– Опять?!

– Вы хотите ночевать в лесу?

– Почему вы даёте ответы, на которые трудно задавать вопросы?! – абсурдно, но возмущённо спросила я.

– Разве не так надо?

– Не как?! – досадуя на саму себя за расплывчатую формулировку, воскликнула я.

– Не как, – явно с издёвкой отстранённо повторил он за мной, завершая обгон автобуса по левой полосе.

Н-да, возможно, моя речь и в самом деле не образец литературного изящества, и, задумавшись над тем, как это слышится со стороны, я сделала вывод, что эмоции следует преодолеть и отбросить и задавать только конкретные вопросы – максимально тактично и доброжелательно, чтобы разговаривать этого чёрствого человека.

– Может быть, вы представитесь? Как меня зовут, я сказала, – постаралась я быть убедительной.

– Я и сам знал, как вас зовут, – с откровенным цинизмом ответил он.

Какой же он наглый! И как же он меня злил!

Похоже, флюиды моего оскорблённого самолюбия смогли проникнуть под его варварскую броню невоспитанности, и он заговорил прежде, чем я придумала обличительный памфлет против вопиющей невежливости.

– Юрий Всеволодович. Частный детектив. Веду то же дело, что и следователь Кирпичёв. Извиняюсь, если был немного строг. Но для вашей же пользы.

– Немного строг?! Спасибо за урок, мой добрый попутчик! Это я – учительница литературы могу быть строгой к тем, кто стихи не выучил! А вы... а я... Я же пострадавшая, если за мной кто-то охотится, так ведь?! А вы со мной как с преступницей! – почувствовав облегчение оттого, что он детектив, а не бандит, я разразилась праведным гневом.

– Да уж, вы просто милый котёночек!

– Не поняла... – я искренне растерялась.

– В лифте, в следственном комитете, намеренно хотели в меня врезаться...

Впечатлённая такой злопамятностью, я только фыркнула как кобыла, невольно узнав о себе, что умею издавать подобные звуки. Признаться, вышло неграциозно, зато мой послыл до него дошёл.

– А в отеле? Зачем вы меня огрели дверью по спине? – продолжил он жаловаться на жизнь.

– Это получилось не нарочно: я хотела ударить вас по голове вазой.

– Вы чокнутая? – мягко спросил он, словно опасался, что получит утвердительный ответ, а затем и в лоб на скорости сто километров в час.

Я приподняла брови и надула щёки: не только мне психовать из-за неизвестности, пусть гадают, с кем едет под вечер в гостиницу.

Проехав минуту в тишине, детектив подал голос, сворачивая на автозаправку:

– Нужно заправиться.

– А мне нужна таблетка от головы, – сказала я.

– Это наверняка, – странно ответил он и, открыв бардачок, предложил: – Поройтесь, там должен быть анальгин. Я сейчас куплю воды.

И он ушёл в магазин, любезно предоставив в моё распоряжение бардачок.

– Спасибо, добрый человек! Я что, свинья или собака, чтобы рыться? – проворчала я ему вслед, аккуратно двумя пальчиками перебирая всякие квитанции, исписанные стикеры и прочие бумажки в попытках узреть среди мусора упаковку с таблетками.

К моей радости, вскоре я её нашла, осталось дожждаться обещанной воды, которой после изучения содержимого бардачка теперь хотелось ополоснуть руки.

Проведя больше трёх минут в машине, я не выдержала такого одиночества и, вспомнив про телефон, достала его из рюкзака и позвонила маме – сказать, чтобы она не пере-

живала, если я завтра не приеду. Я вкратце сообщила, что у меня всё в порядке, в Москве весело, несмотря на обстоятельства, которые привели меня в столицу, и что я, похоже, на денёк тут задержусь.

Затем собралась позвонить Натке с твёрдым намерением рассказать ей обо всём, что со мной случилось. Но только я нажала на её номер, как вернулся мой новый знакомец и, усевшись за руль и протянув мне бутылку воды, произнёс дружеским тоном:

– Кстати про телефон. Можно?

Я пожала плечами и, отклонив набор подруге, отдала смартфон Юрию Всеволодовичу. Если хочет записать свой номер, пусть пишет, я не против.

Он отъехал от колонки на край стоянки, ближе к лесополосе, и остановился рядом с мусорным контейнером – видно, с чувством прекрасного у него однозначно были нелады.

Пока я открывала бутылку и запивала водой таблетку, странный сыщик зачем-то принялся ломать мой телефон: он содрал с него чехол с разноцветными колибри, затем раскрыл корпус и вынул симку.

Уже готовая к агрессивному протесту, я промолчала, увидев в его руке нож, который он достал из кармана дверной обивки. Нож был складной, небольшой, но я испугалась, наблюдая, как он сосредоточенно орудует лезвием, раскурочивая телефон на две пластины. С той же маниакальной сосре-

доточенностью он выковырял ножом батарейку и вроде как с удовлетворением вздохнул.

«А может, всё-таки убийца?» – подумалось мне, а вслух я спросила:

– Вы точно детектив?

– Вам могут показаться мои действия странными... – начал он.

– Даже не сомневайтесь, – негромко согласилась я.

– ...но они совершенно оправданны. Кому вы звонили?

– Маме, предупредить, что могу задержаться в Москве.

– Из-за чего?

– Следствие, вопросы... достопримечательности...

– Правильно, не нужно впутывать других в это дело и болтать лишнего. Вы молодец.

– А вы ножичек уберите...

Он щелчком сложил нож и, сунув его обратно в карман двери, сообщил:

– Ваш телефон мог прослушиваться.

– Для того он и нужен, – глядя на расчленённый смартфон, мрачно заметила я.

– Прослушиваться теми, кто может желать вам плохого.

– Ваш акт вандализма не в счёт? – чувствуя, что у меня начинают влажнеть глаза, я сделала большой глоток воды, остановив четвертую за сегодня попытку прослезиться.

«Странный детектив», как я его прозвала, шмыгнув носом и нетактично спросил:

– Вы были близки с Виктором Сметаниным?

– Да, от девятого до первого этажа довольно близко, если вы об этом, – постаралась я как можно холоднее ему ответить.

– Арина Тимофеевна, простите за нескромность: вы и Сметанин были любовниками? – опять с усмешкой решил он перефразировать свой вопрос, чтобы в этот раз избежать двусмысленностей.

Я злилась на обоих одновременно. На детектива за наглость, а на Витька – за то, что и раньше от него толку не было, и сейчас он в качестве бывшего ухажёра заставлял меня краснеть. Так себе, признаться, ухажёра, совсем никудышного.

– Это допрос? – пошла я проторённой дорожкой словесных клише, прибегнув к фразе, уже сказанной сегодня следователю. Что ж, господин сыщик, у меня тоже есть какие-то козыри в рукаве для общения с такими вот напыщенными зазнайками.

– Конечно, нет, – ожидаемо ответил он, попадаясь в сети моих манипуляций.

«Какая же я хитрая!» – порадовалась я и уже собралась заявить, как и Кирпичёву, что не отдамся ему, чтобы сбить с панталыку самодовольного умника. Но он с безразличием отвернулся, рассматривая останки моего телефона на ладони и нагло демонстрируя отсутствие желания меня помогать. Мой козырь не сработал.

– Виктор Сметанин со своим работодателем кинули серьёзных людей на драгоценные камни. А потом, похоже, Сметанин умудрился кинуть работодателя и перевести стрелки на вас. Теперь вас не только собираются убить, но и наверняка будут пытаться. Я постараюсь этого не допустить и для этого избавляю вас от телефона.

Мне не понравилось услышанное от слова очень, но я даже близко не была к обморочному состоянию – видимо, начала привыкать к неприятным неожиданностям.

А Юрий Всеволодович взял и в открытое окно машины выкинул в мусорный контейнер батарейку от моего телефона.

– По аккумулятору нас могут найти, – вставляя ключи в замок зажигания и запуская двигатель, любезно объяснил он мне свой ненормальный поступок.

– Значит, вы купите мне новый? – без надежды на положительный ответ поинтересовалась я.

– Нет, дамочка. Это значит, что сим-карту мы выкинем в другом месте, пусть помучаются, – усмехнулся он, всё больше убеждая меня в своём безумии.

Вот так, ощущая себя похищенной невестой без средств связи с внешним миром, я мчалась на полноприводной колеснице отечественного производства в неведомый мне шалаш с принцем сомнительного происхождения.

## Глава 5. Одарённый грубиян

*(О несправедливости, когда другие отдыхают на курортах Средиземноморья, а вы нет; о том, что комиссар Мегрэ вовсе не англичанин, и ещё о том, что при выборе спутника жизни стоит подумать, какое отчество будет у твоих детей.)*

Надо признаться, шалаш мне понравился. В смысле гостиница – трёхэтажное здание в нескольких сотнях метров от трассы, у самой кромки леса, приветливо встречающее гостей сосновыми аллеями, ведущими от парковки к главному входу. Её территория изобиловала уютными местами для развлечения у мангалов под тентами.

Меня сразу приманила к себе большая веранда, и я, затаенная в её нутро, словно водоворотом в пасть кашалота, изнеможённая превратностями дня, рухнула на плетёный диван, предоставив своему сомнительному принцу решать вопросы с заселением. Детектив всё сделал на удивление быстро и, отыскав меня здесь, пригласил на ужин на этой же веранде, в чём было сразу два плюса. Во-первых, это был хоть какой-то красивый жест с его стороны, а во-вторых, не надо было никуда идти. Поэтому от пиццы я не отказалась. Тем более что голова прошла и захотелось есть.

Сумерки только начинали сгущаться, но густота моих

недопониманий не позволяла наслаждаться меняющейся игрой теней – вся концентрация моего рассеянного внимания была обращена на подробности событий, приведших меня в Подмосковье.

Культурно продолжив ужин чаем с мятой, мы вели светскую беседу на повышенных тонах.

Точнее, это я, раздувшись внутри от мучного, почему-то перешла в режим агрессивной жертвы. И легко могла бы оправдать такое своё поведение. Ещё несколько дней назад я совсем не была скандальной и вздорной особой – наоборот, все неприятности и неудачи сносила тихо и смиренно, за что Натка звала меня неудачницей. Безусловно, то, как я вела себя на веранде, проистекало исключительно от расстроенных нервов.

– Вы понимаете, что это для меня значит?! Как это вы не знаете, сколько мы здесь пробудем?! Почему я вообще с вами нахожусь? Для меня эта ситуация вообще неприемлема! Я даже в Турции не была!

Последняя реплика вылетела сама собой после проскочившей мысли, что Натка со своим Самородовым между родами почти каждый год ездили в Анталью. Почему-то сейчас мне это показалось особенно важным и несправедливым.

Детектив, самовлюблённо смакуя чай и глядя не на меня, а на высокие сосенки вдоль дорожек, соизволил повернуться и спокойным, как всегда наглым тоном заметить:

– Если бы не я, дамочка, у вас бы даже перспектив не было

там побывать.

– Что вы мне дамкаете? Это уже неприлично. Вы что, англичанин? Шерлок? Или комиссар Мегрэ? Извольте называть меня по имени!

Не знаю, с чего я перешла на дореволюционные выражения вроде «извольте», но ехидный тип сразу отреагировал:

– Милостивая сударыня Арина, урождённая как вас там, спешу заметить, что Мегрэ – француз. – Он поставил чашку на блюдце, несомненно, гордясь собой.

– Урождённая Пряхина. Я знаю, кто Мегрэ. Я вообще-то филолог.

– Оно и видно.

Я собиралась вспыхнуть в ответ на такую колкость, но вместо этого потухла, вспомнив, что являюсь практически заложницей, и тогда решила поплакать. Но, к удивлению, это действие мне не далось – видимо, исчерпался на сегодня ресурс слёзных желёз.

Он не стал меня добивать морально и, заметив, что успокоилась, поинтересовался, готова ли я к конструктивному диалогу. А получив подтверждение, сказал:

– Не люблю таких фраз, но у вас нет выбора, кому доверять. Я оказался с вами, и я сейчас единственный, кто вам может помочь. Поверьте, я сам от этого не в восторге.

– Настоящий благородный рыцарь, – произнесла я, оценивая ещё одно неожиданное качество, открывшееся во мне: я стала брюзгой.

– Отнесу это замечание на счёт издержек вашей профессии. Напоминаю – вас хотели убить, и не думаю, что перехотели.

– Вы его не застрелили? Того, кто вломился в гостиницу? Почему? – удивлённо спросила я.

Он так же удивлённо посмотрел на меня:

– Вы точно учительница?

Прямо бумерангом возвратился момент, когда я его спросила, детектив ли он. Два-два. Или я опять жульничаю?

Чтобы больше не нарываться на грубости, я решила добавить интимности разговору чувственным поворотом головы и обворожительной улыбкой, над техникой которых столько трудилась перед зеркалом в своей комнате в Саратове.

– Напрасно скалитесь, Арина Тимофеевна, они вас не перестали искать и могут появиться в любой момент. Не просто так я избавился от телефона и привёз вас на свою явку.

Разве удивительно, что я прослушала всё, что он сказал, кроме одного – его реакции на моё обольщение?

«Он сравнил меня с собакой?! Нет, нет, нет, тормозни, Ариша! А то выходит очень уж хрестоматийный пример...» Сжав губы, я выдохнула оскорбление через нос, пытаясь воспроизвести в памяти всё прозвучавшее после слова «скалитесь». Что ж, пусть мою улыбку оценит кто-нибудь подостойнее, чем этот нехороший человек.

– Почему за мной гонятся? У меня ничего нет, – спокойно развела я руками, стараясь вести разговор без истерик.

– Они считают, что есть.

– Тогда зачем меня убивать? Я бы отдала – если бы знала, о чём речь и что это за вещь.

– Дело в том, что вещи уже у них, а у вас – информация, которая может их лишить этих вещей.

– Нет у меня никакой информации! – сорвалась я на громкий возглас, не удержавшись в своём намерении вести себя спокойно.

– А они считают, что есть. И хотят, чтобы она исчезла вместе с вами.

– Бессмыслица какая-то! Я не понимаю... я не понимаю... – меня снова проняло страхом, и я начала заламывать руки, не находя слов.

– Будьте уверены, я вас не оставлю и сделаю всё, чтобы вам помочь выпутаться из этой истории и забыть её, – убедительно произнёс он, глядя на пантомиму, которую складывала моя материя.

Сквозь тоску, обуявшую моё нежное естество, я посмотрела на него, допустив осторожную мысль: «Не такой уж он нехороший человек. Просто дурно воспитан», – вслух же жалостливо потребовала:

– Ну, так помогайте уже!

– Сами помогайте. Вы были в близких отношениях со Сметаниным?

Я изобразила на лице недоумение. Кто о чём, а вшивый

о бане! Вот не дают покоя частному детективу особенности моей интимной жизни.

– Уж знаете, Юрий Всева... Вселова...

– Всеволодович.

– Уж знаете, как... – запнувшись и зардевшись от деликатности выбранной темы, осуждающе покачала я головой, являя образец высокой нравственности. Хотелось сделать нравоучительное внушение детективу, пусть он и старше меня, что личная жизнь человека, особенно женщины, не должна вот так обсуждаться с незнакомым, ну, или даже со знакомым, мужчиной.

Однако мужчина хлопнул по столу, продемонстрировав уже знакомую невежливость, да ещё и наигранно закатил глаза.

– Я не спрашиваю как! Я не спрашиваю где и сколько! Я спрашиваю: было или не было?! Да что ж такое?! Вы можете ответить конкретно?! Я уже сам не хочу слышать ответа!

Я впервые уловила в его голосе нотки растерянности, и только это обстоятельство не позволило мне оскорбиться за проявленную фривольность.

– Так мне отвечать или нет? – поморщившись от всплеска его эмоций, уточнила я. Странно, но теперь мне хотелось, чтобы он ждал моего ответа.

– Сделайте любезность, – неискренне улыбнулся он. А ещё говорил, что я скалюсь!

Выждав паузу, как аниматор на викторине в момент куль-

минации конкурса, я величественно возгласила:

– Было! – и не знаю зачем – оправдываясь и теряя только что заработанную солидность, – скороговоркой выдала секрет фирмы: – Но мне это не особо нравилось.

– А вот от дополнительных подробностей меня избавьте. Спасибо, мы далеко продвинулись. Таким образом, что мы имеем? Получается, они от вас не отстанут – раз уж вы с ним спали, – начал было рассуждать детектив, но, заметив, как я расстроилась, осёкся. – Извиняюсь...

– Просто выбирайте слова, – великодушно извинила я плебея, подливая себе заварки в чашку.

Он окинул меня взглядом, словно впервые увидев, и зачем-то передразнил:

– Хорошо: вы с ним ели, пили, вышивали крестиком. Что, так приемлемо? Арина Тимофеевна, с вами трудно общаться!

Я даже поперхнулось от того, как нагло он перевернул нашу беседу!

– Юрий Вселадович...

– Всеволодович.

– Да знаю я! Я учительница, помните? Я стараюсь быть вежливой и вести разговор с вами по вашим правилам. А вы только и делаете, что грубите! Что вы ещё хотите услышать от меня, прежде чем объясните, почему я пугаю каких-то негодяев? Что вообще происходит? Вы мне до сих пор ничего конкретного не сказали!

– Да вы же меня не слушаете – только перебиваете или несёте какой-то бред! Вы готовы выслушать?

– Да! – ответила я в его же манере на повышенных тонах.

– Так слушайте! Вам Сметанин рассказывал что-нибудь про своего работодателя?

– Вот видите – опять. Вместо объяснений спрашиваете! – я возмутилась абсолютно искренне, но всё же, чтобы не превратить наш диалог в фарс, решила проявить гибкость, и ответила: – Витёк его возил. Был персональным водителем, а заодно на подхвате, не знаю, до какой степени этот подхват распространялся. На Рублёвке дом у этого бизнесмена. Всё.

– А чем занимается Карагианнис, он говорил?

– Я даже имени его не знала. Он армянин?

– Не совсем – грек.

– Ах, точно, Витёк его так называл. А я думала, это юмор такой...

– Что-то, пожалуйста, хоть что-то ещё Виктор вам рассказывал про свою работу? Подумайте. Это поможет разобраться в том, что я вам расскажу.

– Вы только обещаете. Не знаю... Про любовницу говорил. Что она машину хочет новую, а ей этот Карагинян дарит подержанную. А Витёк эту машину ей перегнать собирался. Не знаю, что ещё сказать. Чушь какая-то. Перед смертью написал сообщение, что скоро придет и расскажет мне что-то интересное.

– А что именно?

– А там в телефоне было, только вы его разломали! – съязвила я, жалея о своём любимом смартфоне.

– А ваши недруги его взломали. Итак? – перешёл на свой привычный спокойный, приправленный сарказмом тон до-морощенный Шерлок.

– Да не было там ничего. Я всё рассказала. Давайте теперь вы.

– Карагианнис успешно занимался инвестициями, большей частью чужими, в добычу углеводородов и производство ацетилена. Сметанин за долгое время работы с ним стал его доверенным человеком и во многое был посвящён. Недавно произошла крупная афера с чужими вложениями, которые были представлены алмазами или золотом, чем-то таким. Карагианнис разработал мошенническую схему, чтобы присвоить драгоценности. А Сметанин, будучи его подельником, если всё так, как я думаю, его же и кинул. Понимаете?

В голове у меня между тем радостно билось знакомое по записным книжкам Ильфа и Петрова слово, за которое сразу зацепилось мое ухо и которое теперь мне не терпелось повторить в его родном контексте, что я и сделала вместо ответа на вопрос:

– «За ней, как тигр, шёл матрос. Вплоть до колен текли ботинки. Являли икры вид полен...»

– «Взгляд обольстительной кретинки светился как ацетилен», – с ходу подхватил Юрий Всеволодович, поразив меня своей эрудированностью.

Я застыла с открытым ртом, впервые встретив так точно среагировавшего на моё цитирование человека.

Человек этот тем временем, не придав никакой значимости своему блестящему успеху в моих глазах, продолжал повествование о криминальной схеме:

– А дальше то, что непосредственно вас касается.

– Я вся внимание.

– Так вот, ваш Сметанин перевёл стрелки на вас. Пустил по ложному следу. Благодаря службе в органах я смог узнать, кто ведёт это дело, и даже догадываюсь, кто за ним стоит. Они-то вас и решили убрать. К счастью, мне удалось определить и опередить их намерения вас ликвидировать. Счёт на секунды шёл...

Признаюсь, в этот раз я ничего не пропустила и всё поняла. Главный вывод – Юрий Всеволодович умён. И даже очень. Вот он сейчас как гладко всё анализирует, и это ничего, что я отвлеклась, главное, что он знает, что делать, не мне же разбираться с бандитами. Можно по-разному оценивать человека: он может быть хорошим исполнителем или рискованным сорвиголовой, может родиться мажором или по ещё каким-то причинам быть хорошо образованным, но! И тут-то самая важная отличительная черта, отделяющая смышлёного от умного: умный не только хорошо мыслит, он ещё и знает мысли других. Что мне сейчас и доказал одарённый талантами грубиян, казавшийся до сих пор таким дремучим варваром Юрием. Юрий? Интересно, интересно...

И до того мне стало интересно, что, когда мой детектив полюбопытствовал, есть ли у меня вопросы по услышанному, я тут же и спросила:

– Какая у вас фамилия?

– Что?

Я увидела, что он смутился, но ничего страшного, я повторила:

– Фамилию скажите, пожалуйста.

Он озадаченно прокашлялся:

– Берендеев. Слушайте, сейчас к нам подъедет мой человек, журналист. Он, скажем, мой связной. Меня на это дело наняли люди, у которых конфликт с теми, кто нанял следователя Кирпичёва. Так вот этот журналист сейчас от них возвращается, и я думаю, точки над *i* мы расставим после разговора с ним.

Я смотрела на него по-новому, и у меня появлялась надежда, что Юра действительно сможет мне помочь.

«Интересно, он давно занимается расследованиями? – думала я, отклоняясь от курса нашей беседы. – Много ли он раскрыл преступлений? Человек вроде серьёзный, положительный. Ну, грубоват, может, малость, но наверняка от волнения, дело-то серьёзное: ацетилен! А он женат? Кольца нет. С таким характером уж явно разведён. Берендеев, интересная фамилия. Арина Берендеева – красиво звучит».

– ...по финансовому следу я выяснил, где проводились сделки и в каких банках находятся их офшорные счета... –

козырял детектив своими выводами, которые я легкомысленно пропустила мимо ушей, увлѣкшись примеркой его фамилии.

«Зачем я это делаю?!» – я встряхнула головой, чтобы вернуть своё внимание, но в усиливающихся сумерках это движение выглядело как резкое пробуждение закемарившего слушателя.

– Вы ещё здесь? Вам интересно? – постучал мой собеседник пальцем по столу.

– Конечно. Это всё так сложно! Мне гораздо ближе драматургия Чехова и Диккенса, чем детективные головоломки Конан Дойля и Агаты Кристи. И я благодарна вам за такие точные объяснения, Юрий Всеволодович, – улыбнулась я, выговорив его отчество с первого раза.

– Пожалуйста. Да, дело непростое, приходится напрягать извилины. Только я не понимаю, причѐм здесь моя фамилия? – начал допытываться гений русского сыска.

В ответ я снова улыбнулась, только уже своим мыслям, не выраженным вслух: «Что поделать, все мужчины – непроходимые тупицы, даже если они в сто раз умнее женщин!»

## Глава 6. Ариша и Алёша

*(В которой на фоне болезненной активности нового героя Ариша начинает чувствовать себя почти нормальной, но сомневается в нормальности окружающих, сообщающих о невероятных и многочисленных связях Виктора Сметанина. И ещё про смешные фамилии.)*

Журналист Шушукин баловал себя чашечкой кофе, чтобы взбодриться после дороги.

Он был нервным и худым, в квадратных ретроочках и в светло-жёлтом клетчатом пиджаке с явно накладными плечами, а поверх красной тенниски накинута тонкое зелёное кашне. Что ж, не мне осуждать такое развитое чувство вкуса: тапочки на моих ногах открыто намекали, что мы с работником прессы родом из одного курятника.

Светлые волосы всклокочены. Но что особо бросалось в глаза, так это волнообразный утиный шнобель на треугольном лице. Это что за диво? Не видела ничего глупее, чем нос в форме распахнутой гармошки!

Из-за экстравагантной внешности и причудливого поведения возраста он казался неопределённого, но я решила, что он немного младше Берендеева.

А ещё Алексей Шушукин постоянно «баловался», но к этой его манере речи, оказалось, быстро привыкаешь.

– Я побалую себя чашкой кофе, – сразу после знакомства со мной заявил он, не предложив нам к нему присоединиться.

За этим последовал эмоциональный рассказ, что он балуется экстремальным вождением и по дороге к нам дважды подрезал дорогушие спортивные болиды на своём стареньком фольксвагене.

Говорил он быстро, слегка картавя и глотая слова – и шевеля при этом носом. У него был забавный голос и интонация такая, словно он всё время злится и ждёт поощрения за свои переживания. Понять его можно: криминальный журналист – работа непростая и творческая, жажда славы ему не чужда.

– Не против, если я закурю? – спросил он, вынимая из портсигара чёрные сигареты в полной уверенности, что возражений не последует.

Я была против, поэтому, как обычно, сказала, что пусть курит на здоровье, а Берендеев промолчал – ему было всё равно и на мой комфорт, и на вредные привычки окружающих.

– Я так, балуюсь. Снимает стресс после гонки на трассе, – тонким рычащим голоском пояснил журналист своё пристрастие, а я с пониманием поддакнула. Ну, кто же его поймёт, как не я – профессиональная автоледи, трижды не сдавшая экзамен по вождению.

В отличие от нас, против курения на веранде оказался

администратор гостиницы, который, подойдя к Шушукину, вежливо обратил его внимание на табличку, запрещающую задымлять окружающих:

– На улице можно, там у лавочек даже стоят урны.

Журналист, сидевший нога на ногу, тут же извинился и, торопясь встать, неловко врезал коленом по столику и разлил свой кофе. Он тут же схватил салфетку рукой, в которой была сигарета, и как факелом, отгоняющим нечисть, просвистел красным углём перед моим лицом.

От этого неожиданного аутодафе меня вновь защитил Юрий Всеволодович, успевший дёрнуть буйного инквизитора за пиджак, потянув его назад. Однако журналист ещё не завершил клоунаду: он поблагодарил Берендеева, извинился передо мной – при этом салфетку убрал в карман, а сигарету начал тушить пальцами, предусмотрительно плюнув на них.

Признаюсь, меня это напугало.

Торопясь остановить полный распад личности журналиста, администратор пришёл ему на выручку, пообещав, что сам уберёт и вытрет со стола.

Тот его поблагодарил и снова уселся за стол, закинув ногу на ногу, как ни в чём не бывало, с таким видом, будто он этого и добивался и ему все должны.

Но мне Шушука, как я его окрестила, понравился. Он, при всей своей внешней мизантропности, очевидно же, был ранимым и забавным человеком. Проанализировав его лич-

ность сквозь призму героев классической литературы и разглядев суть его внутреннего конфликта, я прониклась симпатией к этому «лишнему человеку». На его фоне я перестала чувствовать себя полной неудачницей, а лишь почти обречённой. Луч света в полутёмном царстве начинал пробиваться новым для меня восприятием этого тленного мира, освещая пока еле заметные, но тем не менее проявлявшиеся тропинки, выводящие меня из самоощущения «синего чулка».

– Ариша, Юрий уже объяснил твою роль в этом спектакле? – деловито обратился ко мне Шушукин, сразу взяв покровительственный тон и перейдя на «ты», проигнорировав, что при знакомстве я представилась Ариной Тимофеевной.

– Да, Алёша, – ответила я симметрично, показывая, что девушка я современная и мужем не битая. С другой стороны, он и не сказал своего отчества, а просто назвался Алексеем, но язык мой опередил мой политес, выбрав соответствующий уменьшительно-ласкательный вариант для такого милашки.

– Ладушки! Давайте теперь разберёмся, кто исполняет роли в этой драме. Хотя лучше пусть это будет боевик! – хлопнул в ладоши экзальтированный журналист, благосклонно приняв «Алёшу».

– Алексей пишет сценарии для фильмов, – пояснил с привычной усмешкой Юрий Всеволодович, вальяжно откинув-

шись на спинку стула и предоставляя право сольного выступления журналисту.

– О да! Балуюсь писательством хитов, – не скрывая глубины своего таланта, подтвердил тот.

– Писательством хитов? – переспросила я, уязвлённая жутким словосочетанием.

– Профессиональная деятельность не позволяет мне зарывать свои таланты. К сожалению, необразованное меньшинство... – тут он сыграл носом партию баяна, втянув и, соответственно, обратно вытянув его.

– И что же меньшинство? Не может оценить ваше творчество по достоинству? – догадалась я.

– Именно! Дело случая, когда меня признают, но я готов к славе. Нужно делиться своими работами с теми, кто их понимает.

– Арина Тимофеевна вообще-то филолог. Учитель литературы, – подлил масла в огонь эмоций непризнанного гения Берендеев.

Шушукин упёрся руками в бока и, приподняв очки, посмотрел на меня новым взглядом, после чего повернулся к детективу с наигранным негодованием:

– Юрий, да что же вы мне сразу не сказали! – затем, вернув очки в изначальное положение, снова обратился ко мне: – Ариша, ты должна прочитать мой новый сценарий! Это очень интересно!

– Я не специалист по сценариям, я... – растерянная от та-

кого неожиданного напора с его стороны, честно призналась я.

– Это не имеет значения! Сейчас принесу из машины папку, там распечатанный сценарий.

Он уже сорвался было бежать на парковку к своему ржавому «гольфу», но его остановил Юрий Всеволодович.

– Алексей, не сейчас. Давайте сначала по нашему делу, – сказал он, указывая журналисту рукой на стул.

Журналист уселся со страдальческим лицом и, торопясь перейти к обсуждению своих рукописей, быстро заговорил о насущном:

– Значит, этот пройдоха Теодорос вышел на очень крупного финансового воротилу. Тот определённо иностранец и, по неясным нам пока причинам, решил окольными путями инвестироваться в российский бизнес, причём очень странным образом. Ты, Ариша, уже знаешь каким?

– Не иначе как алмазными подвесками?

– Да, вот что значит образованный человек, сразу вспомнила про произведение Дюма-старшего! Молодец! – похвалил меня корифей журналистики и тут же переключился на свой интерес: – Хотите почитать мой сценарий? Не пожалеете!

– Алексей, потом, потом. Что ты выяснил ещё? – вернул разговор в нужное русло Юрий.

– Что Теодорос...

– А кто это? – решила я уточнить.

– Как кто – хитрый грек Карагианнис. Так вот, Теодорос собрался присвоить драгоценности и сбежать с ними, оставив здесь жёнушку.

– Как гадко! – заметила я.

– Ну, как я знаю, его жёнушка утешалась изменами мужу с его водителем Сметаниным.

– Не поняла, кто с кем? Витёк спал с Карагиняном? – запутанная его речью, вздрогнула я от страшной догадки.

– Про Карагиняна не знаю, а с Карагианнисом точно нет. Он спал с его женой. Сметанин с женой грека – так понятно?

– Угу, – кивнула я, спокойная за добрую память о покойном Витьке, не разделившем европейских ценностей. А к той информации, что я у него была не единственная женщина, меня своевременно подготовила Натка, поэтому я не шокировалась, узнав о связи между женой грека и моим соседом с первого этажа. Может, мне даже гордиться стоит вниманием Витька? Кому бы я была ещё нужна, а он даже после рублёвожителей не брезговал провинциальной училкой.

Вот тут бы и могли сработать Наткины рекомендации – перевести в пользу для себя изначально неблагоприятную информацию. Ан нет! Едва я представила, как после встреч со мной Витёк кувыркается с женой нувориша, и сразу захотелось принять душ.

«Мне действительно нужен душ! Интересно, от меня пахнет? Почему Берендеев так откинулся на спинку стула?» – я невольно бросила незаметный взгляд на детектива, пытаюсь

определить уровень симпатии ко мне.

Но он смотрел на Шушуку, а тот продолжал тараторить, иногда при этом брызгая слюнями на собеседников:

– По моим агентурным данным, драгоценности утащил Сметанин.

– Вот это Арина Тимофеевна уже знает, – Юрий Всеволодович повернулся ко мне, видимо, преодолев неприязнь к не мывшемуся и не причёсывавшемуся уже несколько часов существу в жёлтых тапках. – На вас охотится Кирпичёв. Кое-кто мне сообщил про его нанимателей. Не он должен был вести это дело, но его поставили, наплевав на порядок. Когда я вас встретил в лифте с этим амбалом...

– Блохиным, – гордясь собой, словно решила сложную головоломку, подсказала я.

– Возможно. Тогда я шёл к Кирпичёву с предложением о сотрудничестве. Не моя была идея, но нужно было исполнить. Однако, несмотря на заманчивость щедрого предложения от третьей стороны, он отказался. Это был сигнал – они уже уверены, где находятся драгоценности, а вы им только мешаете. Хорошо, что сведения мне передали вовремя.

– Зачем меня тогда вызвали в Москву?

– Чтобы самим не ехать в Саратов. Ну и вдобавок за ночь, что вы ехали, они узнали то, что им нужно. Теперь наша задача – разобраться, как быть дальше.

– У меня завтра поезд в семь вечера. Вы успеете разобраться до этого? – не надеясь на положительный от-

вет, спросила я, чувствуя, что глаза начинают закрываться от усталости и что мне сейчас важнее выспаться, чем думать, как выжить потом.

Юрий посмотрел на меня таким же уставшим взглядом и пробормотал:

– Что же Сметанин вам хотел рассказать?..

– Что он спит с любовницей Теодоро, – прикрыв рукой рот, чтобы скрыть зевок, сказала я, не удержавшись бросить колкость в адрес Витька.

Сдавшись в попытках соблюсти приличия, я сочно зевнула и встретила взглядом с моими благородными спутниками, нахально уставившимися на меня в молчании.

Было странно слышать тишину – я уже привыкла к их птичьему гомону касаясь моей участи, половину которого я пропускала, погружаясь в свои мысли.

– Что? – вскинув брови, спросила я, тут же принявшись себя осматривать.

Я даже позволила себе немного испугаться, хотя после пережитого за сегодня в этом не было необходимости.

И всё же, судя по их взглядам, со мной явно что-то не так. От холода у меня затвердели соски и выпирают через футболку? На джинсах кляксы от пролитого Шушуккой кофе? Наконец, из глубин подсознания, построенного на архетипах памяти далёких предков, вылезла мысль, нарисовавшая в моём воображении гигантского клеща, ползущего у меня по волосам. Убедившись, что первые два предположения

можно отклонить, я с замиранием сердца пропищала:

– Что со мной?!

– По-видимому, озарение, – в этот раз с особой яркостью програссировал Шушукин.

– Что? – часто заморгав, переспросила я.

– Озарение! – громко прорычал Алёша, чтобы уже никто не сомневался в сказанном.

– Давайте не будем торопиться с выводами. Мы ещё не всё обсудили. С чего вы взяли про отношения Сметанина с Трусовой? – серьёзно спросил Берендеев.

– Сметанина с Трусовой? – недоверчиво повторила я словосочетание, показавшееся мне названием неприличного блюда.

– Так, надо эту версию проработать, – не удостоив меня ответом, пробормотал Берендеев, доставая из внутреннего кармана ветровки бумажный блокнот и делая в нём запись.

– Старая школа, – неодобрительно глядя на него, не добавил ясности Шушукин.

– Не отвечать на вопросы? – рискнула я поинтересоваться.

– Я вот сразу в телефоне пишу, сразу редактирую. Но я профессионал-журналист, – не поворачиваясь ко мне, продолжил он делиться личными данными.

Юрий Всеволодович перестал изучать свои записи, захлопнул блокнот и, поглядев на меня, как мне почудилось, с интересом, спросил:

– Арина Тимофеевна, хочу уточнить: вы знали об отно-

шениях Сметанина с любовницей Карагианниса?

– Что? Конечно, нет! Была бы я с ним тогда, если бы знала наверняка... – оскорблённо, но откровенно вспыхнула я, обхватив себя за локти: становилось прохладно.

– Значит, это только ваша версия. Но она очень интересная, неплохо, Арина Тимофеевна, для новичка, – ухмыльнулся он себе под нос.

– Конечно. Элементарно! – не упустила я шанс подчеркнуть превосходство своих аналитических способностей, потирая ладонями плечи.

– Bravo, миссис Марпл! Добро пожаловать в клуб! – сложил руки на груди Шушука.

– Мисс, – поправила я, но уже не была им услышана.

Зато грубый детектив, заметив моё состояние, снял с себя ветровку и накинул мне её на плечи, при этом невольно выдав тайну, где он носит пистолет. Я увидела скрытую от посторонних глаз кобуру, прикреплённую с изнанки брюк. Такого способа носить оружие я не видела в кино, и моя фантазия поспешила нарисовать картину, насколько длинный ствол у пистолета и куда он упирается его владельцу.

– Вы очень устали, давайте я провожу вас в номер, – отвлёк он меня от увлекательных размышлений учтивым и заманчивым предложением.

Еле слышный аромат его парфюма, осевший на куртке, подействовал на меня успокоительно, и я уже собиралась встать под его гипнозом, чтобы отправится в опочивальню,

но меня остановил голос журналиста:

– Иди, Ариша, а мы пока решим, что делать.

Я возмущённо спросила:

– Кто это устал, Алёша? Давайте вместе решать, что делать.

– Действовать последовательно – вот что делать, – в голосе детектива мне вновь послышалась надменность.

– Вы думаете, о чём и я? – смешно двигая носом, спросил его Шушукин.

– О чём же вы думаете, Алексей? – последовал справедливый вопрос, от которого журналист начал нести, на мой взгляд, полную окоlesiцу.

– Видимо, нужно взяться за Воробьёва, – игнорируя его мнение, сказал детектив, скорее всего, самому себе.

– И я тоже так считаю! Отлично! Едем к шмаровозу! – и по его виду можно было догадаться, что Шушукин не знал, что думать, но подхалимски согласился с Юрием. А потом, внимательно взглядевшись в мой синяк над глазом, резко сменил тему, обращаясь ко мне и мелодично грассируя: – Хочешь почитать мой сценарий? Там про домашнее насилие. Ты наверняка оценишь!

– Я просто упала... – невольно коснувшись рукой гематомы, зачем-то начала я оправдываться.

– Женя Воробей может что-то знать, – как обычно, не участвуя в общем разговоре, отстранённо произнёс самовлюблённый Берендеев.

– Не нужно стыдиться, ты не виновата, если тебя били. Мой сценарий как раз про это...

– Да не били меня! – я всё больше злилась на нелепое течение беседы и на обоих моих слабоумных спутников.

– Но напрямую Воробей нам ничего не скажет... – гнул свою линию брутальный детектив, принципиально не слушающий, о чём говорят другие.

– Короткий брак, долгий развод. И название, и содержание поражают соразмерностью раскрывающейся драмы... Как вам такой сюжет? – капал мне на мозг назойливый журналист.

– Бе-е-е – вот как! – показав два пальца перед ртом, раздражённо проблеяла я и, включив режим учительницы саратовской средней школы перед нерадивыми учениками, строго и требовательно рявкнула: – Что вы тут устроили?! Ну-ка, тихо! Поведение!

На улице замолчали даже сверчки, настолько этот командный тон не соответствовал моему плебейскому образу серой мыши.

Худосочный Шушука, широкоплечий пиджак которого встопорщился, скрыв тонкую шею, прошептал:

– Яволь, майн фюрер...

Тут же и я сама устыдилась своего поведения, но эффект моего гневного гласа мне так понравился, что чувство непривычного для неудачницы самодовольства почти вскружило мне голову. Только на фоне стольких её ушибов происхож-

дение головокружения было сомнительным.

Но недолго я радовалась успеху, потому что Берендеев со своей кривой усмешечкой и с таким раздражающим пренебрежительным жаргонизмом выдал очевидное:

– Дамочка, вы ещё не забыли, что мы тут делаем? Кого пытаемся спасти, не напомниме?

Это было подло, но слишком весома, чтобы продолжать кобениться. Я, слишком уставшая, чтобы снова расплакаться, лишь сделала скорбное лицо и сокрушённо проговорила:

– Я всего лишь девушка. Я устала, и мне страшно. Я прошу помощи.

Этот ход имел ожидаемые последствия.

Берендеев, потеплев взглядом, посмотрел на меня как на бездомную собаку, пришедшую к людям выклянчивать еду, а Шушука, покосившись на него, повторил странную и смешную фразу:

– Значит, едем к шмаровозу...

## Глава 7. Гадкий цыплёнок

*(Где героиня задаётся вопросом о том, что может быть общего у спецагентов, проституток и Пикассо, а также о том, что в определённых обстоятельствах изюминкой во внешности может стать и фонарь под глазом, освещающий путь в павильоны киноиндустрии, где лежат ногами люди со знакомой внешностью.)*

Это ничего, что маленькая душевая кабинка – главное, много воды.

Жадно напिताв тело влагой, как русалка, чуть не высохшая на суше, я почувствовала себя лучше. Сменив жёлтые тапочки на белые, я, как зомби, дошла до кровати и рухнула на неё.

Но как бы мне ни хотелось спать, мысли о случившемся наградили меня бессонницей.

В самом деле, за всю жизнь у меня не набралось бы столько ярких событий, сколько их произошло за сегодняшний день. Возникало ощущение, что не только визит к следователю Кирпичёву, но даже и стрельба в гостинице были или не со мной, или когда-то в очень далёком прошлом. Настолько далёком, что уже и не считается правдой.

Любопытно, что частный детектив Юрий Всеволодович на этом фоне не воспринимался мифическим героем минув-

шего, а наоборот, представлялся очень живо, стоило о нём подумать. Вспоминая его насмешливую интонацию в голосе, я пыталась определить редкие моменты, когда он воспринимал меня серьёзно.

А такие моменты были. Чего скрывать, надо уметь себя хвалить. Если послушать Натку Самородову, так в величавых дифирамбах самому себе нужно пребывать постоянно – и тогда окружающий мир приобретёт форму исключительного удобства.

У меня же был конкретный повод собой гордиться, ибо кто, как не я, выдвинул гениальную гипотезу о плотских связях Витька с любовницей его начальника Теодороса.

Конечно, я ляпнула это не подумав, но ввиду последовавшего успеха никому об этом знать необязательно. И пускай я не семи пядей во лбу, но смекалки выдать это за своевременно пришедшую мысль мне хватило.

Чего мне точно не хватало, так это разобраться с биологическим статусом Витька. Но вопрос, мёртв он или жив, интересовал не только меня.

Следователь Кирпичёв, пользуясь чьим-то очень высоким покровительством, скрыл информацию о морге, в который я должна была поехать на опознание Сметанина. Анекдотичность расклада в том, что если бы я поехала в морг со следователем Кирпичёвым или оперативником Блохиным, то, скорее всего, сама бы там и осталась, так и не свидетившись с неверным ухажёром.

Плохо ориентируясь в деталях запутанного дела о преследующих меня бандитах, я согласилась с Шушукой и Берендеевым, что Женя Воробей, он же шмаровоз, будет нам путеводной нитью к разгадке чего-то там.

Вообще, приобретя в глазах двух моих новых знакомых статус существа мало-мальски разумного, терять его не хотелось, поэтому я, немного разбираясь в мужской психологии, выбрала путь соглашательства с ними во всех вопросах. Опыт этот я приобрела, практикуясь на младшем брате, избалованном мамином любимчике, впрочем, как и все младшие в семьях. Системой сдержек и противовесов я научилась в некоторых случаях управлять поступками баловня судьбы себе на пользу.

Поэтому и в случае с детективом и журналистом я решила быть серым кардиналом и играть в поддавки, раздувая пламень мужского эго.

И дораздувалась до того, что меня решили сделать проституткой. Так уж я воспринимаю понятие «эскортница» вне зависимости от содержания её обязанностей.

Сделалось это с моего нескорого согласия следующим образом.

В пылу обсуждения моей новой идеи о близости Витька и Трусовой два великих криминалиста выстроили весьма недурные предположения о тонкой связи Трусовой с бывшим местом работы, дуэтом придя к мысли о том, что стоит опробовать эту версию опытным путём. Даже странно, что

их коллективный разум не додумался до этого раньше – исходя из их же данных о том, что Витёк имеет всё, что движется, эта мысль должна была зародиться первой.

Суть идеи была в том, что кто-то должен втереться в доверие к Жене Воробью, оказавшемуся, несмотря на впечатлившее меня слово «шмаровоз», жалким сутенёром. Именно он свёл бизнесмена Карагианниса с его будущей любовницей Лерой Трусовой. Финансово, по меркам сутенёров, Женя Воробей был не таким уж жалким, так как занимался не уличными путанами, а эскортными услугами более высокого уровня. По моей морально-нравственной шкале этот тип людей соответствовал уровню блох или вшей, то есть всему паразитарному и противному, и отношение моё к ним было соответствующее, пусть даже месячная ставка учителя средней школы Саратова не дотягивала до стартовой цены эскортницы на три часа.

И вот парадокс: именно мне предлагают войти в такую неэтичную роль.

– Вы в своём уме?! Я должна стать п-п-п... – от возмущения я не смогла даже выговорить слово.

– Ариша, это же понарошку! Да и не обязательно это... то, что ты думаешь. Эскорт – это в целом выход в свет в сопровождении обеспеченного спутника. Новые знакомства, ты подумай! Интим не обязателен. Не всегда. Не у всех... Для твоей же пользы стоит туда пойти! – шевелил носом Шушука, явно испытывая восторг от их возмутительного пред-

ложения.

– Для моей пользы, Алёша, сам иди... – вновь не закончила я фразу, недоумевая, что произошло с моими добрыми в недавнем прошлом собеседниками.

– Среди сотрудниц агентства «Гетеры сексуальные» ещё остались знакомые Трусовой. С одной из них они поддерживали дружеские отношения все три месяца, что она была в аренде у Карагианниса, – голосом человека, читающего пустяковую заметку в газете, сообщил Юрий Всеволодович.

– И это точно не я! – парировала я.

– Но вы можете стать одной из них, – как ни в чём не бывало продолжал хамить детектив. – Притвориться одной из них – чтобы оказаться наедине с подружкой Трусовой, – любезно пояснил он, увидев новое выражение моего лица.

– Я учительница литературы, а не какого-то бесстыдства! И я даже... я просто боюсь и не хочу!

Шушука, глядя безумно расширенными глазами сквозь роговые очки, попытался заманить меня в эту авантюру своими доводами:

– Ариша, ты будешь как спецгент, внедрённый в банду! Какой сценарий я могу написать в твою честь!

– Посмертно? – сыронизировала я, давая понять, что разговор на эту тему окончен.

Но этот детектив, этот зазнавшийся Берендеев своим нахальным баритоном продлил тему, чтобы самому поставить точку:

– Так, ладно, проехали. Дамочка права, она всего лишь учительница, она не сможет. Давай, Алексей, думать, как ещё подкатить к Воробьёву.

Я была уверена, что это нехитрый трюк, дабы спровоцировать меня согласиться на лицедейство. По всему было видно, что сыщик решил отказаться от нелепой идеи, но именно его открытая уверенность в моей неспособности пойти на безумие подстегнула меня сильнее любых рациональных доводов.

– Да как вы смеете! – вспыхнула я, оставив право двум мужчинам за моим столиком самим додумать смысл оскорблённого посыла.

Берендеев оказывал на меня сильное воздействие с самого начала, не спорю. С тех пор как я с ним связалась, моя личность то и дело раскрывалась новыми гранями, прежде невысказанными.

И вот теперь, испытывая противоречивое и незнакомое досель стремление к неоправданному риску, я сделала выбор. Очередной и, как уже намекало подсознание, неудачный.

Вуаля! Я фея из бара. А если правильнее, то, как в песне поётся, пока только институтка на пути к новому волнующему образу ходячего аксессуара при обеспеченном господине, если верить Шушке.

Мандражируя от предстоящей роли представительницы

древнейшей профессии, я прохлопала глазами всю ночь, вместо того чтобы отдохнуть, а едва заснула, как меня разбудили стуком в дверь.

Судя по внешнему виду, двое моих спутников, в отличие от меня, прекрасно выспались и были на подъёме.

Мой же утренний настрой был принципиально далёк от вчерашнего жизнеутверждающего задора. Да и внешний вид раз от разу становился всё более законченным и, применительно к предстоящему внедрению, всё дешевле.

Моя усреднённость в росте, весе и внешности, прокачанная синяками и стрессами, теперь достигла апогея, ставя меня на уровень привлекательности «Женщины в шляпе» с полотна Пикассо. А он, по моим представлениям, совсем не старался, когда рисовал портрет своей первой жены. Но оставим эти семейные шалости на его совести, а что до меня, то я без иронии считала, что рядом со мной и рисунки пятиклашек на День учителя, над которыми я смеялась, теперь представлялись шедеврами и лестью.

Пребывая в такой унынии, я собралась, и мы, позавтракав, оставили уютную гостиницу и отправились обратно туда, где меня пытались убить, то есть в Москву. Едва ли кто-то на моём месте испытывал бы восторг.

Удивительно, как быстро принимаются решения, когда это касается общего дела, но не затрагивает тех, кто эти решения принимает.

Алёша Шушукин, хорошо знавший Женю Воробья, уже

с утра ему позвонил, разрекламировав перспективную сотрудницу для пикантного агентства. Ему не сразу удалось договориться о встрече, но журналист смог убедить главу фирмы в моём большом потенциале.

Берендеев вёл свою «Ниву», следуя за машиной журналиста к месту, где меня обещали приехать, чтобы я хоть немного соответствовала образу. Это была моя первая попытка провалить идею внедрения.

– Посмотрите, как я одета. Кому вы меня представите в таком виде? – резонно спросила я ещё в гостинице.

– Мы тебя оденем, не переживай, – прорычал Шушука.

– Кроссовки мне уже купили! – скопировав интонацию и ухмылку Юрия Всеволодовича, съязвила я, указав на ноги в уже ставших мне почти родными жёлтых тапках.

Рассчитывая на разумную прижимистость мужчин, я надеялась, что меня не повезут в дорогой бутик, соответствующий моменту.

Но меня всё же повезли, но не в бутик, а в какое-то известное Берендееву место после того, как он туда позвонил.

В дороге он принялся сочинять легенду, которая поможет расположить ко мне директора эскортного агентства. Меня же больше пугала неизвестность, и я всё допытывалась, куда мы держим путь.

– Мы едем в клуб, – наконец сдался Юрий Всеволодович.

– И почему нельзя было сразу сказать? – возмутилась я.

В ответ, мне показалось, он закатил глаза.

Я подумала, что хорошо бы выдать что-нибудь весомое, дабы указать ему на то, что вообще-то я сейчас главная героиня и что можно со мной быть и повнимательней, но, проведя по себе руками, только и сказала:

– Вот так вот в клуб?

– Самое оно, – бросил он, не глядя на мой наряд. Понятное дело, уже насмотрелся.

– Это клуб филателистов? – продолжала я дожимать сыщика.

– Нет.

– Тогда бойцовский? Куда ещё примут в таком виде?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.